

**ДИАЛОГИЧНОСТЬ ХРОНОТОПОВ: «МЕЩАНСКИЙ МИРОК»
В «КУПЕЧЕСКОМ ЦАРСТВЕ» ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ САМАРЫ**

Статья посвящена анализу пространственно-временного континуума двух доминирующих в провинциальном пространстве дореволюционной Самары социальных страт: мещанства и купечества. Используя термин «хронотоп» для обозначения представлений о пространстве и времени конкретно-исторической социальной среды, автор выдвигает тезис об изменении провинциального хронотопа в начале XX века вследствие активного включения города в модернизационные процессы и опровергает устоявшиеся мифы о статичности российского «срединного мира».

Ключевые слова: хронотоп, мещанство, купечество, провинциальный город.

Самарское пространство исторически сложилось как остров, на котором «человек один (необитаемый остров) или же островитяне одинаковы в своей одинокой инакости» [2, с. 183]. «Ты — никто и я — никто. Вместе мы — почти пейзаж» [6]. Пейзаж задавался темой так называемой «внутренней окраинности» [17], лишенной такого выразительного колера, как, например, университетские Саратов и Казань, правобережные Пенза и Симбирск, сотканые из истории и мифологии, характеризующиеся сложным национальным составом и соответствующей Центральной России городской сословной стратификацией. В пореформенный период сугубо периферийный уездный город, получив статус губернского, стремительно развивался и к 1916 году дал основание Б. Пастернаку написать: «Самара... лучший, греховнейший, элегантнейший и благоустроеннейший кусок Москвы...» [10, с. 196]. За купеческий предпринимательский размах ее называли «Поволжским Чикаго», «Поволжским Новым Орлеаном», английский писатель Д.Макензи также отмечал сходство Самары с городами Америки [10, с. 67]. Таким образом, Самара — город, надевающий любую маску во имя главной ценности: конформизма, а «маска всегда несет в себе новый вид бытия» [11, с. 24]. Отсюда проистекает утилитарная этика и этический релятивизм горожан, проявившиеся в различные периоды самарской истории. Эстетическим выражением подобной этической парадигмы явились архитектурная эклектика и вкусовое поле провинциальных крестьянских грюндеров. Если в Англии эпохи Д. Дефо купец выступал в общественном сознании как джентльмен, так как нация к этому времени уже осознала роль денег и торговли в судьбе своей страны [14, с. 288], то в России в широких слоях общества были распространены антибуржуаз-

* © Кобозева З.М., 2009

Кобозева Зоя Михайловна (history@ssu.samara.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ные настроения [13, с. 317-326], в силу чего оптимальным вариантом частно-предпринимательской этики становится франклинизм, призывающий обогащаться в рамках своего сословия [14, с. 319]. Это вовсе не означало отсутствия у купцов стремления пробиться на вершину российской общественной пирамиды, приобщиться к аристократическим ценностям («Канавой грязною он окопал свой двор / И называться стал де Л' Илем с этих пор»), но подобных примеров, когда выходцам из купеческого сословия удавалось подняться над своей «внутренней социальностью», в количественном отношении немного.

Ригоризм российской интеллигенции не давал нравственного оправдания иным законам повседневного бытия, клеймя мир купеческо-мещанских ценностей, по словам Д. Протопова, как царство «глубокого сна» «героев «первоначального накопления», людей, «индифферентных ко всему, кроме накопления, невежественных и неприспособленных в своих потребностях» [18, с. 15]. Евреинов в своем великолепном «Демоне театральности» писал: «Пусть мещане с жадным интересом выслеживают сквозь узкие разрезы своих социалистических или бюрократических масок каждую обидно-поучительную для своего низменного духа мелочь во взглядах аристократа» [9, с. 9], а «Тверская жизнь» задавала этим социальным типам эмоционально оценочный фон их среды обитания: «Сквозь пучины всероссийского смятения вольно и плавно, как гоголевский Днепр, мчит тверская жизнь мутные волны свои: ни зашелхнит, ни прогремит! Глухо, едва слышно бьется местная жизнь...Слизкая тина выплывает на темную поверхность и медленно колыхается» [20, с. 2]. «Мещанская обыденщина» М. Горького, «обывателиус вульгарис» В. Маяковского, во всем этом обличительстве — «вина растленной» литературности русской интеллигенции. Именно подобная дидактичная литературность наиболее талантливой части российского общества XIX — начала XX веков создавала определенную оценочную заданность, своего рода дополнительное иерархическое пространство, помимо сословного, сквозь которое еще труднее было пробиться героям купеческо-мещанского провинциального мира. Но та выстрадаанность глубоких «духовных экстазов», благодаря которой идентифицируется русская интеллигенция и литература в Западной Европе, в провинциальной городской среде была более близка к ортодоксальной русской религиозности, чем религиозная этика купцов-старообрядцев и повседневная, порой апокрифичная, религиозность мещанских семейств, которые все более и более начинали походить на европейских горожан-викторианцев. Так и образовывались самодостаточные, не оправданные нравственно в литературе и интеллектуальной мысли (хотя Г.П. Федотов, говоря о купеческом меценатстве, отмечает, что «интеллигенция не успела приспособиться к нему, не успела как будто заметить» [23, с. 152]) купеческие «мирки», «царства» как семиотические пространства купеческой морали и текстов поведения.

В системе координат «дом» — «мир» купцы могли наполнить своим содержанием любые самарские дворянские классицистические особняки в силу социальной и исторической невыраженности самарского пространства. Размытая индивидуальность этого города делала его чрезвычайно комфортной средой для социального бытия среднего класса и его вкусового поля. Вбирая в свой провинциальный ритм как амбициозный низ (крестьянки деревни

Большая Глушица покупали коньки и отправлялись в город на каток, чтобы выйти замуж за городских), так и склонный к компромиссу верх общества (купеческий по своим ориентациям), Самара символически означала состояние молодости с ее мобильностью, юношеским прагматизмом и комплексами. Но амбиции парвеню не стремились выйти за пределы традиционного мира. В Самаре были все возможности для того, чтобы купцам быть аристократами, а мещанам — уверенным в себе средним городским классом. Но при неизбывном страхе несоответствия купцы оставались в своем самарском царстве, а мещане — в своем мирке. Подобный «изоляционизм» объяснялся еще и притягательностью их провинциальных внутренних миров, так называемых «агностических ядер самобытности».

Особняки в стиле модерн и «новом русском» стиле, богоугодная филантропическая деятельность как пожизненный текст поведения, «на вечные времена», стремительные темпы и размах хлеботорговли, мукомолья, салотопенной, пивоваренной промышленности, развитие специального коммерческого образования, миллионные обороты самарской биржи — все это мир купечества, в значительной степени старообрядческого, исповедовавшего пуританскую этику (обогащение благодаря определенным личным достоинствам, таким, как трудолюбие, следование намеченному плану, солидность, бережливость). Мир, определивший колер города, его повседневный ритм и пластический образ.

Мещанский же мирок с оживлением обсуждал молочные ванны знатных купчих, гулянья в парках псевдоаристократических семейств и не стремился проникнуть в эту среду, находя истинность в своей внутренней социальности. Мещанский мирок весь сокрыт за ярчайшей интеллектуальной рефлексией критического реализма, давшей ему «вещественность», но лишившей объективности. М. Оссовская, автор монографии «Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали», употребляет понятия «буржуа» и «мещанин» как синонимичные, подразумевая под мещанством не сословие, а «тип», то есть особый духовный склад личности. Подобная контаминация смыслов требует строгого разведения понятий сословной принадлежности и качественной характеристики личности. Но в рамках сословного бытописания провинциального мещанства главная проблема заключается в этической и эстетической реабилитации среднего класса, ущербного от синонимичного соседства с дискурсом «грядущего хама» (об историографической реабилитации мещанства рассуждал и В.М. Бухараев в своей уже ставшей знаковой среди исследователей этого сословия статье «Провинциальный обыватель...», но он приходит к несколько отличным от наших выводов о том, «что мещанин был лишен важнейших характеристик гражданственности, свойственных представителям городских «средних слоев» Запада, таких, как расчет на собственные силы, отказ от социального иждивенчества и государственного патернализма, развитая трудовая этика, опора на полноценное самоуправление...» и т. д.) [7, с. 31].

Преодолению историографических и художественных стереотипов в отношении мещанского сословия помогает рассмотрение феномена мещанства через призму хронотопа.

Термин «хронотоп» первоначально был введен и обоснован на почве теории относительности Эйнштейна в математическом естествознании. В литературоведении М. Бахтин вводит определение хронотопа как метафору, выражающую неразрывность пространства и времени, когда «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [4, с. 234–407]. В бахтинском хронотопе имеется в виду духовная и материальная реальность, в центре которой находится человек. Применяя этот термин к области исторического исследования, следует иметь в виду, что под хронотопами купеческого и мещанского миров мы будем понимать идентификационное семиотическое пространство, подверженное временным изменениям и включенное во всероссийские модернизационные процессы, но сохраняющее при этом признаки статичности знаков традиционного патриархального общества.

В самарской топонимике мещанства практически не существовало, т. е. не существовало Мещанских слобод, Мещанских переулков, Мещанских рынков, зато вошел в историю дом мещанина Кулагина, в котором в течение одного месяца проживала семья Ульяновых (с 21 сентября 1889 года по адресу: ул. Ст. Разина, 10). И в описаниях старой Самары Головкина находим упоминания о мещанских садах и огородах [11]. Обходные книги свидетельствуют о значительной активности этого слоя в отношении городской недвижимости. К примеру, мещанству Западной Сибири в пореформенный период принадлежала большая часть недвижимого имущества, поскольку владение собственным домом было одним из условий причисления к мещанству [8, с. 143]. Некоторые мещане владели двухэтажными деревянными или полубриллированными домами весьма солидных размеров [8, с. 144], другие же снимали или имели собственные квартиры в доходных домах. В Пермской губернии наблюдалась та же картина: «Одни имели возможность жить в двухэтажных каменных домах с прихожей, столовой, детской, спальней, залом и кабинетом... другие вынуждены были ютиться в лачугах и каморках, многие вынуждены были снимать комнаты и углы» [5, с. 18]. Но если про сибирские городские дома говорили, что они «некрасиво срублены», но «тепло, сыто и чисто живут в них «умные» и работающие сибиряки» [5, с. 18], то самарское городское деревянное зодчество отличалось неповторимостью декора, изысканностью резьбы, так называемого «деревянного кружева Самары» и вечной грязью и пылью самарских улиц. Общим было то, что с XIX века «характерным было желание домохозяина сделать дом более городским, придать ему черты, отличные от крестьянского жилища» [5, с. 18]. Поэтому стали применяться новые стилистические приемы, такие как обшивка тесом для имитации каменной кладки, выступы бревен обивали вертикальными досками, превращая их в лопатки пилястр, также обрабатывались свесы крыш, превращая их в ступенчатые карнизы. С помощью таких приемов деревянный дом приобретал вид городского [5, с. 18]. Особенно это заметно становится в самарском деревянном зодчестве эпохи модерна: стилизованные головы и фигуры животных, порой мифологических, растительный орнамент, фор-

мообразующие детали внешнего убранства домов, оконные проемы, боковые ризалиты, треугольные фронтоны и т. д. [10, с. 208]. Что касается Казанского Поволжья, то авторы монографии «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья», не выделяя специально мещанский дом, отмечают, что преобладающими типами городских жилищ были «бревенчатая избенка в три окна», «кельенка», «лачужка» [15, с. 63–64]. Подобная академическая пауперизация городских жилищ связана, на наш взгляд, с необходимостью проведения стратификации по признаку социальной ранжированности городского населения.

Количественно мещанское сословие в пореформенный период непрерывно росло. По данным переписи 1897 года, в Самарской губернии в городах проживало 39026 мужчин и 41644 женщин мещанского сословия (по губернии соответственно: 76589 и 80916) [16, с. 34]. Сословно мещанство постепенно размывалось в среде прочих городских страт, теряли смысл мещанское общество, его административная, финансовая и дисциплинарная функции. Власть в городской думе перешла к цензовым горожанам (а это в основном богатое купечество), а в политической и идеологической сфере — к профессиональной интеллигенции. Смысл городского мещанского быта сосредоточился на профессионально-семейной традиции. Внутренняя стратификация самарского мещанского общества слабо изучена в историографии. Тем не менее в некоторых случаях уместнее миру вещей, который прямо пропорционален достатку, предпочесть внутреннее самоощущение, по аналогии с зарисовками Терпигорева о самоидентификации дворян-однодворцев, «живо ощущающих» себя представителями сословия, но одетых как кучера [21]. Б.Н. Мионов отмечает, что «чем меньше был город и чем больше его жители занимались сельским хозяйством, тем меньше горожане отличались от крестьян во всех отношениях, в том числе и по своему менталитету» [13, с. 304]. С нашей точки зрения не представляется возможным применительно к городскому населению пореформенной России экстраполировать статус города и сословную принадлежность горожан на уровень менталитета.

Мещанский быт был в большей степени обусловлен профессиональной сферой и образовательным уровнем семей. И речь здесь не идет о таких неизбывных ценностях, как религия, отношение к власти, Родине, семье. Меняется в индустриальную эпоху отношение к обрядовой стороне этих констант, семейный мир становится менее одиозным, строгим, более уютным, изящным: «мир» превращается в «мирок», наступает эра хронотопа «мещанского счастья», столь обличаемого Писемским. Уменьшительно-ласкательные суффиксы и их появление в лексике свидетельствуют о смене менталитета, о поиске спасения в чем-то маленьком, уютном и неизменном. Так, знаковая среда постсоветского человека постепенно выплеснула на поверхность в качестве определяющего символа этот уменьшительно-ласкательный суффикс: на смену грандиозным понятиям и вселенскому масштабу футурологической эпохи пришли маленькие мирки публичного гастрономического быта. Появились «хуторки», «погребки», «подвальчики», «трактирчики». В них клиентам стали предлагаться: «грибочки», «водочка», «клюковка», «селечка», «блинчики». А.Н. Толстой в романе «Хождение по мукам» видел Петербург

1917 года следующим образом: «Все кончилось... Чины, отличия, пенсии, офицерские погоны, буква ять и само право жить как хочется — отменялось» [22, с. 288]. Как только советскому народу вернули право жить как хочется, первыми вернулись в российский быт мещанские ценности: искусственные цветы, рамочки для фотографий, чайнички, фужерчики, ангелочки, херувимчики, кружевные скатерочки, дамские романчики и бижутерия вместо старорежимных бриллиантов (в дореволюционном Петербурге, в столичном модернистском хронотопе, уже на другом «острове» (который — «длинные белые ночи... волшебные звуки венских и духовых оркестров... и все это переплавленное в строки писем, стихов, воспоминаний» [3, с. 238–239]), подобные суффиксы были не в почете, как звучало в стихотворении Н. Агнiewiczа «На Стрелке»: «Ландо, коляски, лимузины / Гербы, бумажники, безделки, / Брильянты, жемчуга, рубины — / К закату солнца — все на «Стрелке»! / Струит фонтанно в каждой даме / Аккорд Герленовских флаконов / И веет тонкими духами / От зеленеющих газонов!.. / И в непрерывном лабиринте / Гербов, камней и туалетов — / Приподнимаются цилиндры / И гордо шуряются лорнеты. / И солнце, как эффект финальный, / Заходит с видом фатоватым / Для Петербурга специально — / Особо — огненным закатом!..» [1, с. 304]. Это был аристократически-богемный хронотоп). Мещанская же периферия жила хронотопом уменьшительных суффиксов. М. Фуко, подчеркивая роль языка как «вместилища традиций, немых привычек мысли, темного духа народа», отмечал, что «язык вбирает в себя роковую память, даже и не осознающую себя памятью. Выражая свои мысли словами, над которыми они не властны, влагая их в словесные формы, исторические измерения которых от них ускользают, люди полагают, что их речь им повинуетя, не ведая о том, что они сами подчиняются ее требованиям» [24].

Самарские мещане обладали более европейским вкусом, нежели купечество, с его «обивочным стилем». Одежда мещан хотя и сохраняла элементы традиционного костюма, обладала своим специфическим шиком: шляпы-канотье, панамы, штиблеты, пиджачные пары, трости, целлулоидные воротнички соседствовали с косоворотками, фуражками, картузами и сапогами всех вариаций уличной моды [19]. Буфы и баскиньи уживались с платками и шушунами. Квартиры в доходных домах наполнялись ароматами викторианского быта: фотографии в семейных альбомах, вязаные салфетки, мандолины и гитары на стенах, буфеты, черепаховые гребни, плоеные воротнички, но вместе с тем мрачные хозяйственные постройки в глухо закрытых воротах самарских двориках. Дискурс стиля письма в мещанских открытках свидетельствует об определенном этосе горожанина, достаточно образованного, исповедующего религиозные и семейные ценности (причем мещанская религиозность отличалась от купеческой в пользу большей веселости настроения, в мещанских семьях именины чередовались с поминками, и то и другое воспринималось как повод для угощений), открытым к постижению внешнего мира (открытки присылались из разных уголков империи, выписывались и подшивались журналы, в том числе «Вокруг света»), но черпающим уверенность в семейном и дружеском кругу. Коммивояжеры конторы братьев Крестовниковых, служащие Самаро-Златоустовской железной дороги, их жены

и домочадцы не были «маленькими нудными людишками», которые «уныло ищут места, где бы можно спрятаться от жизни», «серенькими трусами и лгунами». Это был зарождающийся в процессе модернизации средний класс, чья историческая миссия заключалась в выведении России на эволюционный путь стабильного развития, прерванный ригористами иного хронотопа.

Библиографический список

1. Цит. по: Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 2003.
2. Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М., 2002.
3. Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 2003.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
5. Белослудцева В.В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.
6. Бродский И. В горах // Собр. соч. Екатеринбург, 2002.
7. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник. М., 2000.
8. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. URL: <http://new/hist/asu/ru/biblio/mechane>.
9. Евреинов Н. Демон театральности. М.; СПб., 2002.
10. Каркарьян В. Самара. Куйбышев. Самара. Самара, 2004.
11. Костомаров А.С. Маска как возможность лица. Самара, 2008.
12. Краеведческая картотека К.П. Головкина // Классика самарского краеведения. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. Вып. 3.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 2003. Т. 2.
14. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
15. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XXXVI. Самарская губерния. М., 1904.
17. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX века). Самара, 2007.
18. Цит. по: Самарское Поволжье в XX веке: сборник документов и материалов. Самара, 2000.
19. Ривош Я.Н. Время и вещи. М., 1990.
20. Тверская жизнь. 1908. № 12.
21. Терпигорев С.Н. Потревоженные тени. М., 1988.
22. Толстой А.Н. Хождение по мукам. М., 1961. Кн. 1–2.
23. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. I.
24. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. URL: <http://www.gumer.info>.

*Z.M. Kobozeva****DIALOGICAL TYPE OF CHRONOTOPE: A PETTY BOURGEOIS WORLD
IN THE MERCHANT PROVINCIAL SAMARA**

The article covers the time – space continuum analysis of the two social strata, dominating in the pre-revolutionary provincial Samara: petty bourgeois and merchants. The term «Chronotope» is used to designate the conception of space and time of a certain historical social environment. The author proposes a thesis about the changes in provincial chronotope at the beginning of XX century as a result of the town taking part in the modernization process. It also disproves the myths about the static nature of the Russian «middle world».

Key words: chronotope, petty bourgeoisie, merchant class, provincial town.

* *Kobozeva Zoya Mihailovna* (history@ssu.samara.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russia.